

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Журнальное обозрѣніе.

Новое произведеніе А. Чехова: „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“.
(„Русская Мысль“, №№ 2-й и 3-й).

Читатель, просматривающій „Русскую Мысль“, давно, конечно, ознакомился съ выдающимся произведеніемъ А. Чехова: „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“. По нашему мнѣнію, въ литературѣ текущаго года не появлялось ничего болѣе крупнаго, яркаго, животрепещущаго. Талантъ г. Чехова—большой талантъ, и каждое его произведеніе отмѣчено печатью безспорнаго и крупнаго дарованія. Какъ-бы незначительна ни была вещь, принадлежащая перу г. Чехова, вы не можете пройти мимо нея, не обративъ на нее вниманія, и порою самаго серьезнаго вниманія. Какою-либо стороною—необыкновенно колоритнымъ описаніемъ природы, или тонкимъ психологическимъ анализомъ, или-же чрезвычайно животрепещущею темою разсказа,—но г. Чеховъ сумѣетъ заинтересовать васъ, заставивъ слѣдить за разсказомъ съ захватывающимъ любопытствомъ. Но странное дѣло! Обладавъ всѣми данными, дающими ему возможность производить глубокое и потрясающее впечатлѣніе, онъ въ то-же время, въ большинствѣ случаевъ, не въ состояніи удовлетворить читателя. Вы остаетесь не только равнодушны, но, за рѣдкими исключеніями, прямо-таки недоумѣваете. Возбудивши васъ до высокой степени, онъ бросаетъ васъ на полдорогѣ, не давая выхода чувствамъ, вызваннымъ въ вашемъ сердцѣ, и тѣмъ убивая, конечно, полноту художественнаго наслажденія. Самъ, повидимому, мало заинтересованный судьбою своихъ героевъ, онъ и васъ не въ силахъ заставить ни любить, ни ненавидѣть ихъ. Нарисовавши зло во всемъ его безобразіи, онъ долженъ-бы, кажется, вызвать въ васъ чувство отвращенія къ нему, и, наоборотъ, изображая

ши добро во всей его привлекательности, онъ долженъ-бы, казалось, заставить васъ полюбить его. А между тѣмъ чеховское зло не похоже на зло, а чеховское добро—на добро, или-же зло похоже на добро, и добро—на зло.

Происходитъ это, конечно, не отъ недостатка таланта, котораго—повторяемъ—г. Чехову отпущено совершенно достаточно, и не изъ „предвзятыхъ мнѣній“, въ которыхъ также, конечно, никакъ невозможно заподозрить нашего автора. Причина кроется глубже. Она заключается въ неувѣренности самого автора въ томъ, что его добро есть въ самомъ дѣлѣ добро и его зло есть заправское зло. Онъ самъ не въ силахъ опредѣленно разобраться въ сложныхъ общественныхъ явленіяхъ, изображеніемъ которыхъ занятъ, и не потому, разумѣется, чтобы г. Чехову не хватало пониманія, разумѣнія, а потому единственно, что, выражаясь его собственнымъ языкомъ, у него нѣтъ въ душѣ «Бога живаго человѣка».

И зло, и добро интересуютъ его не съ общечеловѣческой точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія исключительно художественной, съ точки зрѣнія красоты и безобразія. Человѣкъ проявилъ слабость характера—это, съ точки зрѣнія художника, понятно, некрасиво, потому что красота заключается въ проявленіи силы, энергіи, жизни. Но г. Чехову почти безразлично—проявилъ-ли человѣкъ слабость характера при совершеніи преступленія или, наоборотъ, при совершеніи геройскаго поступка. Съ обыкновенной, человѣческой, точки зрѣнія, это далеко не все равно, конечно, но для г. Чехова тутъ нѣтъ рѣшительно никакой разницы. Для сравнительной оцѣнки явленій онъ беретъ въ руки мѣрку художественную, а обыкновенный человѣкъ—мѣрку нравственную. Наблюдая зло, онъ остается безстрастнымъ, „объективнымъ“, онъ его констатируетъ, описываетъ, мы-же его оцѣниваемъ и на основаніи этой оцѣнки, возмущаемся, негодуемъ. Негодуя по

поводу зла, мы ликуемъ при видѣ добра, въ одномъ случаѣ—негодованіе, въ другомъ—восторгъ, другими словами—различное отношеніе, неодинаковое реагированіе, смотря по характеру и смыслу наблюдаемаго явленія. Г.-же Чеховъ всегда одинаковъ, всегда „вѣренъ самому себѣ“: ему не знакомо ни негодованіе, ни ликованіе, и потому, что онъ, употребляя слова поэта, „къ добру и злу постыдно равнодушенъ“. Вотъ почему г. Чехову рѣшительно все равно, что ни описывать, какъ иному пѣвцу совершенно безразлично—о чемъ ни пѣть, лишь бы пѣніе было красиво, выразительно и дѣйствовало на нервы слушателей.

Вотъ почему, съ другой стороны, г. Чеховъ, изображая сложные общественныя отношенія, характеризуетъ въ лицѣ дѣйствующихъ лицъ своихъ произведеній извѣстное общественное настроеніе, какъ, напр., въ занимающемъ теперь насъ разсказѣ, больше занятъ психологіей души своихъ героевъ, чѣмъ общественнымъ значеніемъ изображаемыхъ явленій. Конечно, всякое общественное явленіе, всякое общественное настроеніе постольку реально, поскольку оно связано съ живымъ человѣкомъ, насколько оно выражается въ отдѣльныхъ личностяхъ, составляющихъ общество. А въ живой человѣческой душѣ совершаются извѣстныя психическіе процессы, изображеніе которыхъ и можетъ составить содержаніе художественнаго произведенія.

Но далеко не одно и то-же—разсматриваете-ли вы данный общественный фактъ во всей его социальной обстановкѣ, или только съ точки зрѣнія исключительно психологической. Возьмите такое явленіе, какъ угнетенное общественное настроеніе. Разсматривая его со стороны психологической, вы не дадите ему ровно никакого объясненія, потому что душевная апатія, вялое отношеніе къ явленіямъ жизни можетъ объясняться самыми разнообразными причинами, да, наконецъ, психологія не въ силахъ рѣшать сложные социальные явленія.

Передь нами два типа «уставших» людей: Орловъ — молодой, образованный человекъ изъ высшаго чиновничьяго свѣта, и «неизвѣстный человекъ», отъ лица котораго ведется разсказъ Г. Чехова. Развѣ психологія може дамъ объяснить причину «устали» этихъ людей? «Отчего я раньше времени ослабѣлъ и упалъ, — пишетъ «неизвѣстный человекъ» Орловъ, — объяснить не трудно. Я, подобно библейскому силачу, поднималъ на себя Гаскскіе ворота, чтобы отнести ихъ на вершину горы, но только когда уже взнемогъ и на вѣки простился со своей молодостью, замѣтилъ, что эти ворота мнѣ не по плечамъ и что я обманулъ себя. Къ тому же, у меня была непрерывная, жестокая боль. Я испытывалъ голодъ, холодъ, болѣзнь, лишеніе свободы; личнаго счастья я не зналъ и не знаю, пріюга у меня нѣтъ, воспоминанія мои тяжки, и совѣсть моя часто боится ихъ. Но отчего вы то упали, вы? Какія роковыя, дьявольскія причины помѣшали вашей жизни развернуться полнымъ весеннимъ цвѣтомъ, отчего вы, не успѣвъ начать жить, поторопились сбросить съ себя образъ и подобіе Божіе и теперь, какъ трусливое животное, метесь въ овраги и пятаетесь палю?...» Отчего мы утомились? — продолжаетъ авторъ письма. — Отчего мы, вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, въ 30—35 годахъ становимся уже полными банкротами, такъ что отъ нашей вѣры, страсти и отваги не остается даже пыли? Отчего въ этомъ возрастѣ одинъ изъ насъ гаснетъ въ чахоткѣ (!), другой пускаетъ себя пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водѣ и вартакъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, цинически топчетъ ногами портретъ своей чистой, прекрасной молодости? Отчего мы, упавши разъ, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищемъ другого?». Поставивши этотъ неумолимый рядъ жгучихъ, огненныхъ вопросовъ, «неизвѣстный человекъ», вмѣсто отвѣта на нихъ, предлагаетъ такимъ прекраснымъ мечтаніямъ: «Что,

если-бы какимъ-нибудь чудомъ настоящее оказалось только сномъ, страшнымъ вѣспаромъ, и мы прснулись-бы обновленны, чистые, сильные, гордые своею правдою?... Сладкія мечты жгутъ меня, и я едва дышу отъ волненія. Мнѣ страшно хочется жить, хочется, чтобы наша жизнь была свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный. Будемъ-же жить! Солнце не восходитъ два раза въ день, и жизнь дается не дважды, — хватайтесь-же цѣпко за остатки вашей жизни и спасайте ихъ!...»

Развѣ это языкъ «уставшаго» человека? Развѣ «опустившіеся» люди говорятъ такіе вещи? Развѣ «сладкія мечты» жгутъ имъ душу и приводятъ въ волненіе, да и вообще, есть-ли у нихъ въ душѣ мечты, направленные въ сторону общества, мечты о лучшемъ будущемъ? А между тѣмъ, по аттестаціи г. Чехова, «неизвѣстный человекъ», или авторъ вышеприведеннаго письма — человекъ уставшій, разслабленный, безъ вѣры въ свое дѣло и въ свое міровоззрѣніе.

Если даже допустить «усталость», «слабость», то развѣ можно съ общественной точки зрѣнія объяснить эти вещи болѣзью или, какъ въ данномъ случаѣ, чахоткою, какъ это пытается сдѣлать г. Чеховъ? Правда, «неизвѣстный человекъ» указываетъ въ своемъ письмѣ и другія причины, но это лишь красивыя слова, нужныя для полноты картины. Авторъ же все свое вниманіе обращаетъ, главнымъ образомъ, на чахотку, снѣдавшую «неизвѣстнаго человека», подчеркивая это обстоятельство на всевозможные лады. Но чахоткою можетъ быть одержимъ одинъ, два, десять «неизвѣстныхъ людей», но не могутъ-же быть чахоточными всѣ «неизвѣстные люди». Произведеніе г. Чехова не фотографія, не случайная копія со случайныхъ явленій, это — обобщеніе, блестящая попытка характеристика переживаемаго нами періода времени. Въ такомъ произведеніи объяснять крупныя общественныя факты случайною болѣзью дѣйствующаго лица такъ-же основательно, какъ об-

яснять промахи чеховскаго творчества типографскими погрѣшностями.

«Усталъ» Орловъ, «усталъ», «неизвѣстный человекъ». Неужте явленіе это одного и того же порядка? Съ психологическою точки зрѣнія, пожалуй, да, но съ точки зрѣнія общественной — далеко нѣтъ. Если разсматривать людей не съ психологической, а, положимъ, анатомической точки зрѣнія, то они будутъ походить другъ на друга еще болѣе, чѣмъ Орловъ и «неизвѣстный человекъ». Но развѣ оголить, раздѣть человека — значитъ опредѣлять его природу? А между тѣмъ г. Чеховъ этимъ только и занимается.

«Усталость» Орлова такого рода, что онъ топчетъ въ грязь то, чему раньше поклонялся, т. е. пронически относится ко всѣмъ идеямъ, ко всѣмъ высокимъ побужденіямъ и стремленіямъ. Онъ не только не живетъ согласно идеалу, но и самый идеалъ въ его глазахъ замѣтно потускнѣлъ и потерялъ притягательную силу. Онъ его не мѣняетъ, но онъ надъ нимъ сибется. Это подло, малодушно. Это не «усталость», а развратъ. Психологическіе термины, въ родѣ «усталости», «слабости» и т. п., очевидно, тутъ совершенно не приложимы.

Не такова «усталость» «неизвѣстнаго человека». Онъ сохранилъ въ своей душѣ весь былой пылъ, все прежнее увлеченіе идею, онъ зрѣнъ и чувствуетъ высокими стремленіями и человѣческими побужденіями, но не находитъ пока точки опоры, приложенія силъ. Отчего? Г. Чеховъ утверждаетъ, что по болѣзни, усталости. Г. Чеховъ думаетъ даже, что «неизвѣстный человекъ» постепенно мѣняетъ свое міровоззрѣніе. Быть можетъ, это и вѣрно, но не видно, чтобы основн міровоззрѣнія «неизвѣстнаго человека» потерпѣли какое-либо существенное измѣненіе. Измѣнилась лишь форма, способъ приложенія силъ, подробности міровоззрѣнія, а не самое міровоззрѣніе. Наконецъ, «неизвѣстный человекъ» весьма далекъ отъ проническаго отношенія къ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Наоборотъ, онъ

вспоминает о своем прошлом, как о героическом периодъ своей жизни, онъ имъ гордится, онъ его любитъ. Онъ знаетъ, что если «ослабъ» онъ, «неизвѣстный человѣкъ», то есть люди его мировоззрѣнія, которые не чувствуютъ «усталости». Онъ ихъ не только не осуждаетъ, но, наоборотъ, относится къ нимъ съ явную симпатію.

При наличности такихъ условий, мудро, очевидно, подводить подъ одинъ знаменатель такихъ людей, какъ Орловъ и «неизвѣстный человѣкъ». Съ помощью психологіи это, пожалуй, не трудно сдѣлать, такъ какъ усталость есть усталость—и больше ничего, но явленіе, о которомъ говоритъ г. Чеховъ, имѣетъ слишкомъ крупное значеніе и слишкомъ многосложно, чтобы его можно было мѣрять психологическою мѣрою.

Камнемъ преткновенія, средствомъ испытанія всѣхъ «ослабшихъ», «уставшихъ», «опустившихся» людей служить въ послѣднее время у художниковъ женщина. Такъ поступилъ и г. Чеховъ. Хотя героиня разсказа и не представляетъ, говоря по правдѣ, ничего особенно выдающагося, ни даже симпатичнаго, но авторъ возвелъ ее въ положительный типъ, для болѣе яркаго отненія отрицательныхъ сгоревъ героевъ разсказа. И здѣсь сказалось то-же пристрастіе къ психологической постановкѣ вопроса предпочтительно передъ общественной точкой зрѣнія. Если усталость, надломленность души, апатія и равнодушіе къ жизни—отрицательныя качества, минусъ, то, очевидно, дѣльность натуры, жизнерадостность, непосредственность какъ въ воспріятіи жизненныхъ впечатлѣній, такъ и въ реагированіи на нихъ должны составить достоинства положительныя, очевидныя плюсы.

Зинаида Орлова—человѣкъ изъ того-же круга, въ которомъ вращается и Орловъ. Принимая Орлова за «героя» и «идеальнаго человѣка», она влюбляется въ него полно и беззаветно, не будучи въ силахъ, не смотря на весь свой лирический и

нѣсколько институтскій либерализмъ, разглядѣть истинныя черты характера этого жалкаго человѣка. Убѣдившись горькимъ опытомъ, при помощи, однакоже, «неизвѣстнаго человѣка» въ измѣнѣ и равнодушіи Орлова, она уѣзжаетъ вмѣстѣ съ «неизвѣстнымъ человѣкомъ» за-границу, съ цѣлью посвятить себя «новому дѣлу», т. е. попросту отомстить «всѣмъ этимъ господамъ». Насколько въ своей «мести» эта, въ сущности, взбалмошная особа выходитъ изъ личныхъ, а не общественныхъ мотивовъ, насколько ее занимаетъ новая обстановка и театральность положенія, а не сущность дѣла, видно изъ слѣдующей сцены.

Вспоминая съ горечью свое прошлое, Зинаида Орлова съ особеннымъ озлобленіемъ останавливается на образѣ своей злой мачехи.

— Хотѣлось-бы теперь встрѣтиться съ ней! —говоритъ она «неизвѣстному человѣку» за-границею, т. е. ставши уже якобы «новымъ человѣкомъ».

— Зачѣмъ?

— Голову-бы ей отрубила, —отвѣчала она со смѣхомъ. —Впрочемъ, я шучу. Это другіе-бы ей голову рубили, а я бы только гарцовала на бѣломъ конѣ передъ толпой... со знаменемъ... и чтобы музыка гремѣла...

Стоило, нечего сказать, начинать «новую жизнь» изъ-за того, чтобы рубить голову своей мачехѣ! И вотъ такая то натура, мало симпатичная, малодѣйная, малосерьезная, противопоставляется г. Чеховымъ въ качествѣ положительнаго типа «уставшимъ людямъ!» Увидѣвши, что «неизвѣстный человѣкъ» такъ-же «слабъ», какъ и Орловъ, что онъ неспособенъ сію-же минуту повести ее на дѣло мести и справедливаго возмездія, она рѣшается отравить себя.

Какова-же мораль изъ всего этого? Выходитъ какъ будто такъ, что господа Орловы и «неизвѣстные люди» ослабли, опустились, раскисли, словомъ, примирились съ жизнью, а вотъ свѣжая душа Зинаиды Орловны, не въ силахъ вынести этихъ жизненныхъ противорѣчій, этой лжи

и неискренности, парить надъ нами, какъ жидой укоръ совѣсти, какъ воплощеніе суроваго добра и справедливости.

Можетъ быть, впрочемъ, такъ, а можетъ быть, и нѣтъ. Въ томъ-то и состоятъ недостатки разсказа г. Чехова, что вы не въ состояніи нащупать въ немъ ясно основную его мысль. Читается новое произведеніе г. Чехова съ громаднымъ интересомъ, обладаетъ оно крупными художественными достоинствами, затрогиваетъ самое больное мѣсто нашего общества, но, очевидно, авторъ подходитъ къ вопросу не съ надлежащей стороны. Пока вы читаете разсказъ, вы увлечены въ высшей степени, удивляетесь имъ и ждете — не дождетесь конца, но вы, наконецъ, прочитали послѣднюю страницу и остаетесь въ полномъ недоумѣніи. Картина нарисована безукоризненно, критика сильна и мѣтка, но общее впечатлѣніе отъ нея не полно, отрывочно, не законченно.

Можно быть крупнымъ художникомъ и тонкимъ психологомъ, и все же не имѣть общественнаго чутка, отчетливаго пониманія совершающихся вѣкругъ явленій. Г. Чеховъ даетъ въ своемъ разсказѣ превосходный портретъ одного изъ второстепенныхъ действующихъ лицъ — нѣкоего Пекарскаго. „Считался онъ очень умнымъ человекомъ, но это было, — говоритъ авторъ, — какой-то особенный, странный умъ. Онъ могъ въ одно мгновеніе помножить въ умѣ 213 на 373 или перевести стерлинги на марки безъ помощи карандаша и табличекъ, превосходно зналъ желѣзно-дорожное дѣло и финансы, и во всемъ, что касалось администрации, для него не существовало тайнъ; по гражданскимъ дѣламъ это былъ искуснѣйшій и непобѣдимый адвокатъ. Но этому необыкновенному уму было совершенно непонятно многое, что знаетъ даже иной глупый человекъ. Такъ, онъ рѣшительно не могъ понять, почему это люди скучаютъ, плачутъ, стрѣляютъ и даже другихъ убиваютъ, почему они вслунются по поводу вещей и событій, которыя ихъ

лично не касаются, и почему они смѣются, когда читаютъ Гоголя или Шадрина... Все отвлеченное, исчезающее въ области мысли и чувства, было для него чуждо и скучно, какъ музыка для того, кто не имѣетъ слуха. Когда при немъ заговаривали, напр., о непротивленіи злу, о любви или о новомъ романѣ Зола, то онъ стучалъ пальцами по столу и внимательно прислушивался къ этому стуку“.

Сдѣлайте небольшую перестановку, и эта характеристика пригодится и для самого г. Чехова. Чехову знакомы, конечно, душевные волненія, какъ явленія психологическія, онъ смѣется надъ Шадринымъ и интересуется дѣлами, лично до него не касающимися, хотя-бы въ силу своей писательской профессіи, но онъ „стучитъ пальцами по столу“ когда говорятъ объ общественныхъ явленіяхъ, направленіяхъ, идеяхъ и пр. Онъ, пожалуй, въ качествѣ художника-наблюдателя, готовъ и слушать разговоры на эти темы, но съ лица его не сходитъ тонкая ироническая улыбка. Мало того: онъ даже воспроизведетъ эти разговоры красиво, талантливо и вѣрно, но все же будетъ все время „стучать пальцами по столу“: его дѣло — роса. Онъ выше или ниже этихъ темъ, этихъ вопросовъ и связанныхъ съ ними людскихъ тревоженій, и вотъ почему онъ и слушаетъ, и говоритъ о нихъ не иначе, какъ съ подшучиваніемъ, съ легкою ироніей, съ неизбѣжными „шпильками“. Онъ понимаетъ, но не вѣритъ, видитъ, но не чувствуетъ.

Георг. Маиашвили.

PS. Прошу читателя извинить меня, что весь фельетонъ посвященъ одному г. Чехову, но, во 1-хъ, произведеніе его заслуживало-бы еще болѣе обширнаго размѣра, а во 2-хъ, февральская и мартовская книги „Русской Мысли“ не заключаютъ въ себѣ ничего особенно выдающагося, чѣмъ нельзя было-бы пожертвовать для г. Чехова.

Прим. авт.